

Маркс Карл

**Кельнский процесс
коммунистов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл М.**
Кельнский процесс коммунистов / Маркс Карл – М.: Книга по Требованию,
2022. – 122 с.

ISBN 978-5-519-95504-1

ISBN 978-5-519-95504-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый поставить на карту буржуазное существование и жизнь, он был образцом того профессионального революционера, какой играл известную роль в тридцатых годах. При некоторой тяжеловесности мышления, он далеко не был недоступен верному теоретическому воззрению, как уже доказывает его развитие из «демагога» в коммуниста, и тогда тем упорнее держался раз признанного. Именно поэтому его революционная страстность порою расходилась с его рассудком; но он всегда впоследствии сознавал свои ошибки и открыто признавал их. Он был цельной личностью, и что им сделано для заложения основ немецкого рабочего движения,—останется незабвенным.

Генрих Бауэр из Франконии был башмачником по профессии; живой, подвижной, остроумный человек, в маленьком теле которого, однако, тоже было много хитрости и решимости.

По прибытии его в Лондон, где Шаппер, бывший в Париже наборщиком, поддерживал теперь свое существование в качестве преподавателя языков, обе разорванные нити Союза соединились снова, и отныне они сделали Лондон центром Союза. Здесь, если еще не прежде в Париже, к ним присоединился *Иосиф Моль*, часовщик из Кельна, геркулес средней величины—ему и Шапперу не раз приходилось победоносно удерживать дверь зала против сотен ломившихся врагов—человек, который, по меньшей мере, был равен обоим своим товарищам по энергии и решимости, но превосходил их обоих в умственном отношении. Не только потому, что он был прирожденным дипломатом, как доказывают успехи его многочисленных миссий; он был также восприимчивее к теории. Я познакомился со всеми троими в 1843 году в Лондоне; это были первые революционеры-пролетарии, которых мне приходилось видеть; и как ни расходились тогда наши взгляды в частности—потому что их ограниченному коммунизму равенства ¹⁾ я противопоставлял тогда изрядную дозу столь же недалекого философского высокомерия—все же я никогда не забуду того imponирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда я сам лишь стремился стать человеком.

¹⁾ Под коммунизмом равенства (Gleichheitskommunismus) я понимаю, как сказано, попросту коммунизм, который исключительно или преимущественно опирается на требование равенства.

В Лондоне, как в менее значительной мере и в Швейцарии, им пригодилась свобода союзов и собраний. Уже 7-го февраля 1840 года был основан открытый немецкий рабочий образовательный фереин (Arbeiter-Bildungsverein), который существует еще и поныне. Этот фереин послужил Союзу для вербовки новых членов, и так как коммунисты всегда были активнейшими и наиболее интеллигентными членами фереина, то, само собою разумеется, его управление пахлолось целиком в руках Союза. Вскоре у Союза появилось в Лондоне несколько общин или, как они тогда назывались, «хиттин» («Hütten»). Та же самая несложная тактика преследовалась в Швейцарии и в иных местах. Где можно было основывать рабочие фереины, их старались использовать таким образом; там-же, где последние были воспрещены законами, они вступали в певческие, гимнастические общества и т. п. Связь между ними поддерживалась большею частью непрерывно уезжающими и приезжающими членами, которые также, если было нужно, служили эмиссарами. В обоих отношениях Союз энергичнейшим образом поддерживался мудростью правительств, которые всякого неугодного рабочего—а это в девяти случаях из десяти был член Союза—путем высылки превращали в эмиссара.

Распространение восстановленного Союза было значительно. А именно, в Швейцарии *Вейтлинг*, *Август Беккер* (весьма способная голова, но по внутренней неустойчивости опустился, как и многие немцы) и другие создали сильную, более или менее объединенную верностью коммунистической системе Вейтлинга организацию. Здесь не место критиковать вейтлинговский коммунизм. Но относительно его значения, как первого самостоятельного теоретического проявления германского пролетариата, я и сейчас готов подписаться под словами Маркса в парижском «Vorwärts» 1844 года: «Где (немецкая) буржуазия—включая ее философов и ученых писателей—представила такой труд по отношению к эмансипации буржуазии, политической эмансипации, как «Гарантии гармонии и свободы» Вейтлинга? Стоит сравнить трезвую, трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим безмерным и блестящим дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти *исполнинские детские башмачки пролетариата* с малорослыми истоптанными политическими сапогами буржуазии, и придется предсказать зама-

рашке атлетическое сложение. Эта атлетическая фигура теперь перед нами, хотя она далеко еще не достигла зрелости».

В Германии также существовали многочисленные секции переходящего характера; но вновь возникающие более, чем перевешивали распадающиеся. Полиция лишь через семь лет, в конце 1846 года, открыла в Берлине (Ментель) и Магдебурге (Бех) следы Союза, не будучи в состоянии выследить его далее.

В Париже Вейтлинг, находившийся там еще с 1840 года, также снова собрал рассеянные элементы, прежде чем отправиться в Швейцарию.

Ядро Союза были портные. Немецкие портные встречались повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем городе немецкий язык был настолько господствующим языком этой отрасли промышленности, что мне, например, в 1846 году пришлось познакомиться там с порвежским портным, прибывшим во Францию морским путем прямо из Дронтгейма, который в течение 18 месяцев не выучил ни одного французского слова, но прекрасно научился говорить по-немецки. Из парижских общин в 1847 году две состояли преимущественно из портных, одна из столяров-мебельщиков.

С того времени, как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого мало-по-малу сделался *интернациональным*. В рабочем фереине, помимо немцев и швейцарцев, встречались представители всех тех национальностей, для которых при сношениях с иностранцами служил преимущественно немецкий язык, следовательно, скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, также русские и эльзасцы. В 1847 году аккуратным постоянным гостем среди других был и английский гвардейский гренадер в форме. Фереин вскоре принял название *Коммунистического* рабочего образовательного фереина, и на членских билетах стояло изречение «Все люди—братья» — по меньшей мере, на двадцати языках, хотя кое-где и не без грамматических ошибок. Как открытый фереин, так и тайный союз вскоре тоже приняли более интернациональный характер; сначала интернациональность его была несколько ограничена; практически интернациональный характер его выражался в различии национальностей членов, теоретически же он вытекал из понимания, что всякая революция, чтобы быть победоносной, должна стать

европейской. Далее этого еще не шло, но основы были уже положены.

С французскими революционерами через лондонских изгнанников, их боевых товарищей по 12 мая 1839 года, поддерживалась тесная связь. То же и с более радикальными поляками. Официальная польская эмиграция, как и Мадзини, была, разумеется, скорее противником, чем товарищем. Английские чартисты, в виду специфически английского характера их движения, были, как революционеры, оставлены в стороне. С ними лондонские руководители союза вступили в связь через меня лишь позже.

И в иных отношениях характер союза изменился с течением событий. Хотя на Париж все еще смотрели—и тогда с полным правом—как на революционную отчину, все же зависимость от парижских заговорщиков уже исчезла. Распространение союза подняло его самосознание. Чувствовалось, что он пускал все более и более глубокие корни в немецком рабочем классе, и что эти немецкие рабочие исторически призваны идти впереди рабочих европейского севера и востока. В лице Вейтлинга они имели коммунистического теоретика, которого смело можно было поставить наряду с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опытом 12 мая были научены, что практика революционных вспышек пока ничего не даст. И если все еще продолжали каждое событие истолковывать, как предвестие приближающейся бури, если старые полуконспиративные уставы, в общем, удерживались, то это было скорее результатом старого революционного упрямства, которое уже начинало приводить в столкновение с надвигающимися более совершенными новыми взглядами.

Напротив, общественная доктрина союза, как ни неопределенна она была, заключала в себе один весьма крупный, но обусловленный самими обстоятельствами недостаток. Члены союза, поскольку они вообще были рабочими, были почти исключительно ремесленниками в собственном смысле. Человек, их эксплуатировавший, сам был в крупных мировых городах большею частью лишь мелким мастером. Даже эксплуатация портняжества в крупном стиле, так называемая теперь конфекция (Konfektion), путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность за счет одного крупного капиталиста, находилась тогда даже в Лондоне в заро-

дышевом состоянии. С одной стороны, эксплуататор этих ремесленников был сам мелким мастером, с другой стороны, все они наделись в конце-концов сами стать мелкими мастерами. И при том тогдашний помещный ремесленник был еще опутан целою массою унаследованных цеховых взглядов. К величайшей чести их поэтому служит тот факт, что они, не представля даже собою настоящих пролетариев, но лишь придаток мелкой буржуазии, который находился на пути превращения в современный пролетариат и не стоял еще в прямой противоположности к буржуазии, то-есть к крупному капиталу,—что эти ремесленники были в состоянии инстинктивно предугадать свое будущее развитие, хотя они еще и не могли с полным сознанием конституироваться в партию пролетариата. Но недостаток этот был и неизбежен, так как старые ремесленные предрассудки каждую минуту подставляли им ногу, как только приходилось подвергать существующее общество детальной критике, то-есть исследовать экономические факты. И я не думаю, чтобы во всем Союзе в то время нашелся хоть один единственный человек, который прочел когда-либо книгу по экономической науке. Но это мало кого смущало; «равенство», «братство» и «справедливость» помогали пока справляться со всякой теоретической трудностью.

Тем временем, паряду с коммунизмом Союза и Вейтлинга, образовался и другой, существенно от них отличный. В Манчестере я лицом к лицу столкнулся с той истиной, что экономические факторы, которые до сих пор в историографии не играли никакой или лишь презрительную роль, являются решающей исторической силой, по крайней мере, в современном мире; что они создают основу для возникновения нынешних классовых противоречий; что эти классовые противоречия в странах, где они, благодаря крупной промышленности, развились вполне, значит, особенно в Англии, в свою очередь, являются основой образования политических партий, партийной борьбы, а вместе с тем—и всей политической истории. Маркс не только пришел к тому-же самому взгляду, но и обобщил его уже в «Немецко-французском ежегоднике» (Deutsch-französische Jahrbücher) 1844 года в том смысле, что вообще не государство обуславливает и регулирует буржуазное общество, но буржуазное общество—государство, что, следовательно, политика и ее история

может быть объяснена, если исходить из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я посетил Маркса летом 1844 года в Париже, выяснилась наша полная солидарность во всех теоретических областях, и с того момента начинается наша совместная работа. Когда мы снова встретились весной 1845 года в Брюсселе, Маркс развил уже в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и мы принялись теперь за разработку новооткрытого метода в деталях, в самых различных направлениях.

Это же открытие, производящее переворот в исторической науке,—которое, как видно из вышесказанного, является главным образом делом Маркса, и по отношению к которому я могу приписать себе лишь весьма незначительную долю участия,—имело непосредственную важность для современного с ним рабочего движения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не являлся теперь чем-то случайным, чего так же хорошо могло и не быть вовсе. Эти движения представлялись теперь, как движение современного угнетаемого класса, пролетариата, как более или менее развитые формы его исторически необходимой борьбы против господствующего класса, буржуазии; как формы классовой борьбы, отличающиеся, однако, от всех прежних форм борьбы классов тем, что теперешний угнетенный класс, пролетариат, не может осуществить свою эмансипацию, не освободив одновременно всего общества от разделения на классы, а вместе с тем — и от классовой борьбы. И коммунизм уже не означал более измышления при содействии фантазии, возможно более совершенного общественного идеала, но — проникновение в природу, условия и вытекающие отсюда общие цели ведущейся пролетариатом борьбы.

И мы отнюдь не имели намерения поведать новые научные результаты в толстых томах исключительно «ученому» миру. Напротив, оба мы уже глубоко вошли в политическое движение, имели некоторое число сторонников среди образованного мира, именно Западной Германии, и многообразное соприкосновение с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность обосновать наше воззрение научно; но, кроме того, для нас было одинаково важно привлечь на сторону наших взглядов европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только у нас самих всешло в порядок, мы принялись за работу. В Брюсселе мы

основали немецкий рабочий фюрер и взяли в свои руки «Deutsche Brüsseler Zeitung», которая была нашим органом вплоть до февральской революции. С революционной частью английских чартистов мы сносились через Юлиана Гарнея (Julian Harney), редактора центрального органа движения, «The Northern Star», в котором я был сотрудником. Равным образом, мы состояли в известном союзе с брюссельскими демократами (Маркс был президентом демократического общества) и с французскими социал-демократами из «Réforme», которой я доставлял известия об английском и немецком движении. Короче, наши связи с радикальными и пролетарскими организациями и с органами прессы вполне соответствовали нашим желаниям.

С «Союзом Справедливых» (Bund der Gerechten) мы находились в следующих отношениях. Существование Союза нам, разумеется, было известно; в 1843 году Шаппер предложил мне вступить в Союз, что я, естественно, тогда отклонил. Но мы не только продолжали поддерживать с лондонцами непрерывную переписку, но находились еще в более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, теперешним руководителем парижских общин. Хотя мы и не беспокоились о внутренних делах Союза, мы все же знали о каждом выдающемся происшествии. С другой стороны, мы устно, письменно и путем печати влияли на теоретические воззрения самых выдающихся членов Союза. Для этой цели служили также различные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях, когда дело касалось самих основ образующейся коммунистической партии, посылали нашим друзьям и корреспондентам. При этом доставалось порою и самому Союзу. Однажды юный вестфальский студентозус Герман Криге, переселившийся в Америку и выступавший там, как эмиссар Союза, заключил союз с помещиком Гарро Гаррингом, чтобы при посредстве Союза освободить из плена Южную Америку; он основал газету, где от имени Союза проповедывал основанный на «любви» любвеобильный, слащавый коммунизм любовных упоений. Мы выступили против этого в циркуляре, который не преминул оказать свое действие. Криге исчез со сцены Союза.

Позже в Брюссель прибыл Вейтлинг. Но он уже не был более папским юным портижским подмастерьем, изумляющимся своей

собственной одаренности, который старается уяснить самому себе какой же вид должно иметь коммунистическое общество. Он был великим человеком, преследуемым завистниками за свое превосходство, который повсюду чувствовал соперников, тайных врагов, коварные козни,—гонимый из страны в страну пророк, имевший в кармане готовый рецепт осуществления неба на земле и вообразивший, что всякий только о том и думает, чтобы украсть его у него. Он уже в Лондоне поссорился с участниками Союза, а в Брюсселе, где особенно Маркс и его жена относились к нему с почти сверхчеловеческим терпением, он также не мог ни с кем ужиться. Вскоре после этого он отправился в Америку, чтобы там попытаться счастья со своим пророчеством.

Все эти обстоятельства содействовали незаметному перевороту, который совершался в Союзе, а именно, среди лондонских руководителей. Недостаточность прежнего понимания коммунизма, как французского простого коммунизма равенства, так и вейтлинговского, становилась для них все более и более ясной. Проповеданное Вейтлингом сведение коммунизма к первобытному христианству—также гениальные частности встречаются в его «Евангелии бедного грешника»—в Швейцарии привело к тому, что движение большей частью попало сначала в руки дураков как Альбрехт, а затем в руки эксплуататоров-шарлатанов, как Кульман. Проповедуемый некоторыми бездельниками «истинный социализм», перевод французских социалистических фраз на испорченный гегельянский немецкий язык, и сентиментальная любвеобильность (смотри главу о немецком или истинном социализме в Коммунистическом Манифесте), которую внес в Союз Криге, и чтение соответственных проповедей должны были уже вследствие своего слюноточивого бессилия стать противны старым революционерам Союза. В виду неустойчивости прежних теоретических представлений и вытекающих отсюда практических заблуждений, в Лондоне стали понимать все более и более, что Маркс и я были правы, и что правда была на стороне нашей новой теории. Этот взгляд, несомненно, укреплялся тем, что среди лондонских вождей находились теперь два человека, которые значительно превосходили выше названных по своей восприимчивости к теоретическому познанию: художник-

миниятурист Карл Пфэндер (Pfander) из Гейльборна и портной Георг Эккарпус из Тюбингена ¹⁾).

Короче, весной 1847 года Молль был в Брюсселе у Маркса и сейчас же вслед за этим в Париже у меня, чтобы от имени своих товарищей настойчиво пригласить нас вступить в Союз. Они так же сильно убеждены в общей правильности нашего взгляда, как и в необходимости освободить Союз от конспираторских традиций и форм. Если бы мы пожелали вступить, то нам должна была быть дана возможность развить на конгрессе Союза наш британский коммунизм в манифесте, который затем будет опубликован, как манифест Союза; и равным образом мы могли бы внести свое влияние и в том отношении, чтобы устаревшая организация Союза была заменена новой, более соответствующей времени и более целесообразной.

Что внутри рабочего класса была необходима организация, хотя бы уже ради пропаганды, и что эта организация, поскольку она не была исключительно местного характера, даже вне Германии могла быть только тайной, в этом у нас не было сомнений. В виде же Союза как раз и существовала такая организация. То, что мы до сих пор считали в этом Союзе неправильным, было теперь признано ошибочным самими представителями Союза; нам самим предлагалось принять участие в реорганизации Союза. Могли ли мы отказаться? Конечно, нет. Таким образом, мы вступили в Союз; Маркс образовал в Брюсселе из наших ближайших друзей общину Союза, тогда как я стал посещать три парижские общины.

Летом 1847 года происходил первый конгресс Союза в Лондоне, где В. Вольф представлял брюссельские, а я — парижские общины. Здесь сначала была произведена реорганизация Союза. Что еще оставалось от старого мистического имени из эпохи конспирации, было теперь тоже уничтожено; Союз распался на общины, районы, руководящие районы, центральные учреждения и конгресс и отныне

¹⁾ Пфэндер умер в Лондоне приблизительно восемь лет тому назад. Это была своеобразная, пронырливая голова, остроумный, пронырливый диалектик. Эккарпус, как известно, был впоследствии долготелетним генеральным секретарем Международной Ассоциации Рабочих, в генеральном совете которой среди других находились следующие старые члены Союза: Эккарпус, Пфэндер, Лесснер, Лохнер, Маркс и я. Позже Эккарпус посвятил себя исключительно английскому профессиональному движению.

стал называться «Союзом коммунистов». Цель Союза—«низвержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на классовых противоречиях буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности»—так гласит первый параграф. Самая организация была вполне демократическая, с избираемыми и всегда сменяемыми властями, и одним этим был положен предел всем конспирационным пополозновениям к диктатуре, и Союз—по крайней мере, для обыкновенного мирного времени—превратился в чистое общество пропаганды. Эти новые статуты—так демократически стали поступать теперь—были предложены общинам для обсуждения, затем еще раз рассмотрены вторым съездом и приняты им окончательно 8-го декабря 1847 года. Они отпечатаны у Вермута и Штибера I, стр. 239, Anl. VIII.

Второй съезд происходил в конце ноября и начале декабря того же года. Здесь присутствовал также Карл Маркс и в продолжительных дебатах—съезд продолжался, по крайней мере, десять дней—защищал новую теорию. Все возражения и сомнения были наконец устранены, новые основы приняты единогласно, и Марксу и мне было поручено выработать манифест. Это поручение было нами немедленно исполнено. За несколько недель до февральской революции манифест был отослан в Лондон для напечатания. С того времени он совершил путешествие вокруг света, переведен почти на все языки и служит еще и теперь в различных странах руководящей нитью пролетарского движения. На место старого эпиграфа союза: «Все люди—братья» выступил новый боевой клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который открыто возвещал международный характер борьбы. Семнадцать лет спустя, этот боевой клич прогремел по свету, как военный лозунг Международной Ассоциации Рабочих, и ныне боевой пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Началась февральская революция. Сейчас же прежний лондонский центральный комитет (Zentralbehörde) перенес свои полномочия на руководящий округ—Брюссель. Но это решение было принято в тот момент, когда в Брюсселе господствовало уже фактическое осадное положение, особенно же немцам нигде уже более нельзя было собираться. Мы все уже были готовы перебраться в Париж, и поэтому новый центральный комитет решил также распустить себя,